

Есть такое поколение счастливых людей. Они состоятельны в творчестве и успешны в бизнесе. Они спокойно относятся к жизни и умеют брать ее под узду. Им все под силу. Должно быть, у каждого человека из этого поколения есть своя боль или проблема. Возможно, ни один из них не считает себя особо счастливым. Но почему-то их спокойствие и обаяние столь велики, что думать о плохом просто не получается. Максим Суханов из их числа. Он очень талантлив и считается одним из самых неоднозначных и тонких актеров современности. Он блестяще сыграл в фильме «Страна глухих», но зрители больше помнят его по театральным ролям. Сейчас Максим репетирует Короля Лира с режиссером Владимиром Мирзоевым – вдвоем они прошли через многое и многое создали. С Максимом интересно разговаривать. Он приветлив, остроумен, начитан. На любой вопрос готов ответить серьезно и по-философски. У него вообще своя философия...

«МНЕ БЫ МЕЧТА МЕШАЛА»

– Максим Суханов – обаятельный пессимист или вдумчивый оптимист?

– Живу в основном сегодняшним днем. Пессимистом себя не могу назвать. Я больше интраверт, чем экстраверт – так бы себя описал. Хотя бывают разные минуты.

– Есть цель, ради которой живете?

– У меня никогда не было цели. Да мечты даже особой не помню, которая бы проходила красной чертой через всю мою жизнь. Я вообще не люблю людей с целью. Что-то в этом мне видится подозрительное и патологическое. Во всяком случае, мне бы мечта мешала. Я гораздо больше склонен к хорошим неожиданностям, которые могут со мной происходить. А лелеять мечту, носиться с ней – это не для меня.

ЗАЛ И СЦЕНА

– Бывает такое, что во время спектакля ловите взгляд зрителя в зале?

– Я до такой степени не сливаюсь с залом, не идентифицирую лица. Для меня, скорее, важна энергия, которая идет из зала – ощущения зрителей, сопротивление. Как правило, когда ты на сцене – не во время вручения премий, а на работе – в тебе и так много всего, поэтому смотреть в зал нет возможности.

– Неужели сопротивление зала помогает играть?

– Любая энергия, исходящая из зала, должна помогать суще-

ствовать, и она помогает. Мешают только две вещи: когда в зале нет зрителя или когда он равнодушен и холоден. Это практически одно и то же. Все остальные настроения этого организма ценны.

Во время разговора Максиму звонят на мобильный. Человек, только что увлеченно рассуждавший об энергетике зрительного зала, деловито берет трубку и разговаривает тоном уверенного в себе бизнесмена: «Да, Юра. Продается? Можешь через час рассказать? Ну конечно, я подойду к телефону. Какое спать? Я еще работаю!».

– Что вас может смутить?

– (Задумчиво) Наверное, что-то может... Так и не вспомнишь. Нет у меня символа смущения

Приходится вариться в этом земном котле и повторять из века в век одни и те же ошибки. Память на генетическом уровне об этих ошибках у нас просто отсутствует, стирается напрочь

(смеется). Представляю, вроде ничего не может. Лучше примеры приведите, тогда сориентируюсь.

– Допустим, вас заставляют играть откровенную сцену.

– Когда я что-то делаю, то до конца оговариваю это. Если что-то мне кажется неоправданным – отказываюсь. В спектакле необходима откровенная сцена

и она органична в нем – я не буду смущаться. Я буду ею поглощен. Допустим, если сейчас вы попросите меня раздеться, я вам откажу. Не потому, что меня это смутит, а потому что в этом нет смысла. А просто так я этого делать не буду, я не люблю дешевый эпатаж.

МЕХАНИЗМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ

– Есть вещи, которыми гордитесь?

– Горжусь... Да я чего-то как-то вообще не горжусь... Моя гордость, наверное, в том, что я к каким-то событиям или перипетиям отношусь спокойно. Мне нравится в себе спокойное ощущение препятствий, медных труб.

– Здорово. Наверное, очень удобно...

– Да! Это позволяет тебе все время тренировать механизм переключения. Ты можешь спокойно и приветливо общаться с людьми совершенно разных категорий. Легко, непринужденно, не болезненно для себя пробежаться по социальной лестнице. Мне одинаково приятно войти в контакт с людьми понимающими или, наоборот, абсолютно неадекватными. Кажется (может, я себе льщу?), я не испы-

тываю презрения к тем, кто чего-то недопонимает. (Переключившись) Вас не будет смущать, если я покушаю? Весь день не ел!

Суханов заказывает постные блюда, приветливо и чуть повелительно общается с официанткой, работающей в его же заведении, изредка хозяйским взглядом обводит зал и следит за работой администратора. Кроме «Маяка», в котором мы сидим, он владеет еще и рестораном «Лабарданс», задуманным как место актерской тусовки. Там все блюда называются наоборот: «нажалкаб» вместо «баклажан», к примеру. Оба клуба закрыты и только для своих.

– То есть человеческая неадекватность не раздражает?

– Ну почему... Возмущать – вряд ли, а раздражать вполне может. Допустим, если сейчас, когда мы тихо говорим, кто-то начнет бегать по столам, меня это раздражит. А если неадекватность общения... Есть разное развитие людей, и кто-то не может общаться с гаишниками, потому что они говорят чушь. Я мгновенно перехожу на ту чушь, которой они говорят, и говорю с ними этой же чушью.

ЧТО ТАКОЕ «ЛАБАРДАНС»

– Кого в вас больше – бизнесмена, делового человека или актера, личности творческой?

– Мое участие в театре и кино очень сильно связано с моей инфантильной природой – поглощения. Бизнес, напротив, рождается brutальным сознанием, тираническим, лидирующим. Поэтому надо разделять. А уж чего больше – я не знаю.

– У вас есть свой ресторан, и даже не один...

– Можете написать, что один. Я вообще не очень люблю про бизнес разговаривать, лучше про театр. На самом деле, по профессии я все же не бизнесмен.

– Вот и выяснили. Тогда пару вопросов... Блюда, названные наоборот, – ваша придумка?

– Это было в самом начале. Да, придумал я.

– А вы можете говорить наоборот?

– Быстро? Не-ет. Помню, когда я учился, были в моем классе две девочки, которые говорили с необычайной скоростью все слова наоборот и при этом понимали друг друга. Я им жутко завидовал, но я так не могу.

– Кто знает, может, потом и изобрели такое меню – по старой памяти?

– Вполне может быть!

– «Лабарданс» задумывался как тусовка для творческих людей. Удалось его сделать таким?

– По-моему, да. Нам уже вот будет тридцать... Ой! (Смеется) Десять лет 30 апреля. Собираются люди, приятные друг другу, обсуждают свои дела, впечатления уже на протяжении десяти лет. Похоже на старый ресторан Дома актера. Спокойный, иногда шумный. Кстати, интересно, что будут сегодня играть. Надо будет спросить управляющего.

– Вы не вмешиваетесь в дела?

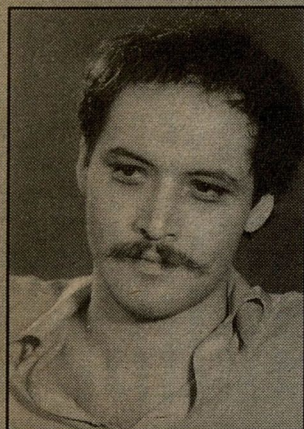
– Ну почему? Смотря в какие... Естественно, за культурную программу кто-то отвечает.

– Ладно, тогда о театре...

– (Бодро) Да!

Фильм «Страна глухих».

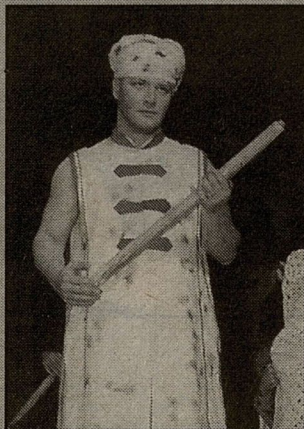
Спектакль
«Маленькие трагедии».

Спектакль
«Две женщины».

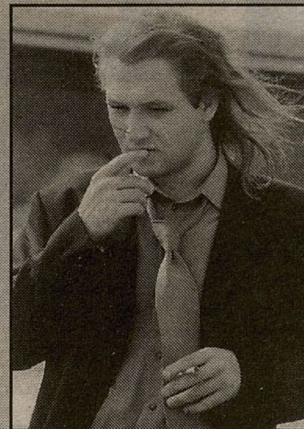
Фильм «Женщин обижать
не рекомендуется».

Спектакль
«Коллекция Пинтера».

Спектакль
«Хлестаков».

Фильм
«24 часа».

ВСЕ ВОПРОСЫ – НА БЕРЕГУ

– Вы с Владимиром Мирзоевым репетируете «Короля Лира». Не сложно играть великовозрастную роль?

– Для меня никогда не было проблемой перевоплощение. Возраст, физический недостаток – эти вещи, наоборот, помогают развивать образ. Фантазия дает возможность представить, что герой мне близок, и использовать приемы, за счет которых я могу заставить поверить в это зрителя.

– Как репетируется в паре с Виктором Сухоруковым?

– Нам с Витей очень хорошо работаете вместе, мы как-то с первого дня нашли общий язык и я его очень хорошо чувствую. Надеюсь, что и он меня тоже. Потом, мы одного дня рождения и одного года, так что понимаем друг друга.

– А бывает, что так и не удается найти общий язык с партнером?

– Всякое бывает. Главное, чтобы с ним режиссер общий язык нашел. Он понимает, что эта химия с той взаимодействует – и ты научишься играть вместе. В том случае, если с той стороны не каменная глыба.

– Чего вы бы не смогли простить режиссеру?

– Простить? Ой... Нужны примеры (деловито)!

– Ну, что вас заставит отказаться репетировать?

– Причин, по которым актер пренебрегает ролью, не так много. Первая – полнейшее непонимание актером режиссера. Это не значит, что кто-то из нас полностью не прав. Просто то, что режиссер называет белым, для меня оказывается объективно черным. Лучшее, чтобы такие вопросы решались на берегу, перед уходом в плавание, тогда вполне возможно сказать:

Мудрость всегда хороша, не только чтобы ужиться. И чтобы расстаться, тоже нужна мудрость

ее надо ощущать. Мне моя кажется пока неорганичной. К тому же, не могу сказать, что я бы получал удовольствие от ведения чего-то. С другой стороны, мы с моей женой Терри делали программу о театре, в которую приглашали интересных гостей, разговаривали о сцене, о кино. Вроде получалось. Но пока это пилот и он все летает (смеется).

СПАСИТИ, НЕ ВОЮЮ

– Вы поступили в Щукинское училище, чтобы избежать армии. Но стали замечательным актером. Судьба?

– Можно сказать и так.

– А сейчас пошли бы воевать?

– (В недоумении) За кого? Я бы всячески пытался оттянуть момент вступления в агрессивное поле. Если дело касается моей семьи, я буду искать варианты, чтобы никого не подвергнуть опасности. Если нет вариантов и надо идти воевать, пойду. Но пока есть возможность найти способ всех спасти не войдя, я все сделаю. Потому что по большому счету любая война – это великая глупость и суесть. Так что относиться к ней как к чему-то значительному я никогда не буду. Так же и границы между государствами. Или разделение людей по нациям, столкновение одной конфессии с другой – тоже глупость. Думаю, человек найдет чем заняться. А так ему приходится вариться в этом земном котле и повторять из века в век одни и те же ошибки. Память на генетическом уровне об этих ошибках у нас просто отсутствует, стирается напрочь.

– Этому миру мешают ограничения, условности?

рять: «Мы не хотим объединяться с вами. Как же наша культура, она тут же пострадает».

«БУЛУКЛЮЛЮС МАЛЯКИЛУС»

– У вас есть имидж?

– Имидж? Ну, наверное, какой-то есть. Я его сам себе не леплю и к нему не стремлюсь. Поэтому для себя не описывал никогда. Вполне возможно, что люди находят это забавным. Людям вообще свойственно все классифицировать. Появляется что-то интересное или неуловимое, или не существовавшее до этого (изображая ловлю бабочек) раз, в сачок поймать и надписать: «Это булуклюлюс малякилулус». Теперь мы смотрим на баночку и все понимаем: перед нами типичный представитель булуклюлюса малякилулуса. (Любопытно оглядываясь по сторо-

нам, пытаюсь поймать что-то) А это что летает непонятное? Вот я не люблю, когда чему-то и кому-то дают названия, загоняют в рамки, возмущаются, когда у этого самого булуклюлюса малякилулуса вдруг крылья появляются. А людям нравится, потому что иначе они начинают быть непокойными. Их раздражает. А как же? Вся моя психика, все мое сознание привыкло к этому, а тут вдруг дают нечто другое. Это стресс. Не привыкли мы идти на такого рода стрессы. А надо бы...

– Когда одежду покупаете, чем руководствуетесь?

– Удобством. На марки не смотрю. Мне вообще жена одежду покупает. А я уже выбираю, что надену.

– У вашей жены необычное имя...

– Она грузинка. Мы вместе уже пять лет.

С женой Терри.

– Женщина, которая рядом с вами, должна быть мудрой?

– (Улыбнувшись) Это вы где-то вычитали?

– В одном из ваших интервью.

– (Смеется) Я бы сейчас так сказал: мудрость всегда хороша, не только чтобы ужиться. И чтобы расстаться, тоже нужна мудрость. В любом случае, чтобы ужиться, нужно любить друг друга. Думаю, что любовь – состояние, которое может поспорить в чем-то со смертью. Поэтому когда говоришь о двух людях, которые живут вместе, в первую очередь речь идет о любви.

ШТОРМЫ И ШТИЛИ

– С чего начинаете день?

– Ем яблоко в душе. (Смеется) Да, стою в душе и ем яблоко.

– У вашей дочери Василисы сейчас переходный период. Как справляетесь?

– Пытаюсь как-то взять себя в руки. Собственные воспоминания, кстати, помогают. Ощущения своего переходного возраста, с одной стороны. С другой стороны, накопленный опыт. И явная доля цинизма. Все это уживается воедино. Мне нравится, что с дочкой мы общаемся на равных, и к этому я стремлюсь больше всего. (Улыбается) Не знаю, так все красиво говорю. Посмотрим, что будет дальше.

– Много времени остается на семью?

– Вы знаете, достаточно. Череды дел бывает напряженной, а бывает их немного. Как у всех, я думаю.

– Не устаете?

– Бывает. Могу поспать пятнадцать минут в машине – этого мне вполне достаточно, чтобы восстановиться. Могу даже стоя спать. Отдыхаем вдвоем с женой. Едем куда-то, или разговариваем, или просто лежим. У нас одна амплитуда желаний.

– Вы к себе относитесь с иронией?

– С большой.

– Что в себе может рассмешить?

– Да что угодно. Я могу долго думать, могу медленно говорить, могу в одну точку смотреть, не включаться во что-то. Походка собственная может смешить.

– Вы говорили, что когда видите неудачную игру актеров, хочется уйти из профессии.

– Ну, это образно. Просто когда ты стоишь на волнорезе и видишь: человек плывет так, что тебе, стоящему на берегу, от этого плохо, тогда кажется, что и его надо вытащить, и самому туда больше не заходить. Либо с жидкостью что-то не то, либо с человеком.

Встречалась
Ника ДРАБКИНА

Могу поспать пятнадцать минут в машине – этого мне вполне достаточно, чтобы восстановиться. Могу даже стоя спать

«Это просто не мое». Так как режиссер – точка отсчета в любом театральном деле и он приглашает тебя в свой мир, который нафантазировал, значит, ты и выбираешь, видишь ли себя персонажем этого мира. Запах чем хорош? Не нравится, как пахнет – отойди.

– Сейчас модно вести шоу на телевидении. Уверена, вам предлагали, и не раз.

– Ну, какие-то предлагали. Мне пока это неинтересно. Там нужно для себя выстроить некую роль. И

– Не ограничения. Условности – да. Но еще предназначение чему-либо и обособляемость на почве чего-либо. Сектанство, черный-белый. Не от большого ума все придумано. Потом облечено в разумные оболочки. И потом, если люди захотели ограничений, так только для того, чтобы отделить себя от других. Если бы они не хотели агрессии, а отделялись лишь чтобы заявить о своей культуре – прекрасно. Но о культуре речи в данном случае не идет. Это потом о ней гово-